

УДК 81374

DOI: 10.17223/22274200/20/6

А.П. Сковородников, Г.А. Копнина

О КОНЦЕПЦИИ «СЛОВАРЯ СОВРЕМЕННЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЯРЛЫКОВ»

Аргументируется целесообразность создания «Словаря современных политических ярлыков», наглядно представляющего одну из наиболее ярких сторон информационно-психологического противоборства в политике; формулируются его цель и задачи; дается описание структуры словаря и словарной статьи; называются принципы формирования словника. Словарь позволит расширить представление о парадигматических связях, словообразовательных возможностях и особенностях функционирования политических ярлыков в публичной речи.

Ключевые слова: политическая лексикография, словарь политических ярлыков, политический язык, словесный ярлык.

Введение

Отмечаемый учеными «лексикографический бум» [1. С. 5] отражает появление различных лексикографических направлений, среди которых выделяют лексикографию не только авторскую [2], компьютерную [3], фигуративную [4] и другие, но и **политическую лексикографию** [5], посвященную языку политики. О развитии политической лексикографии свидетельствует появление, например, таких словарей, как «Словарь русских политических метафор» [6], «Словарь современных политических лозунгов России и Германии “Дайте миру шанс!”» [7]. Эти словари не просто отражают состояние политического языка современной эпохи, но и служат способом его лингвоэкологической диагностики. В этой связи видится **актуальным** создание «Словаря современных политических ярлыков», наглядно представляющего одну из наиболее ярких сторон языка информационно-психологического противоборства в российской политике.

Целесообразность создания такого словаря обусловлена целым рядом факторов:

1. Недостаточная изученность политических ярлыков (далее – ПЯ), несмотря на их широкое употребление в современных массмедиа на протяжении уже достаточно длительного времени.

2. Потребность наиболее полного описания языка политики. В словарных статьях, посвященных политическому языку, отсутствует даже какое-либо упоминание этого средства политической борьбы (см.: [8–11] и др.). Следовательно, создание словаря ПЯ закрывает целую лакуну в отечественной политической лексикографии.

3. Востребованность словаря такого типа в практике лингвистических экспертиз. В юрислингвистике, насколько нам известно, создается «База данных источников для лингвистической экспертизы» [12. С. 164], в которую мог бы войти и словарь ПЯ.

Цель статьи – кратко охарактеризовать «Словарь современных политических ярлыков», который разрабатывается в Сибирском федеральном университете в рамках проекта «Лингвистика информационно-психологической войны».

Методы исследования

Важную роль в исследовании имеет лингвоидеологический анализ, объектом которого в нашем случае является система ярлыков-идеологем текста или группы текстов, объединенных общей идеологией. Причем идеологема, вслед за Н.И. Клушиной, понимается «как ментально-стилистический феномен, как идеологический концепт, реализующий определенную заданную идею с помощью стилистических ресурсов языка» [13. С. 54]. Лингвоидеологический анализ направлен на вычленение, демонстрацию и комментирование тех высказываний и фрагментов текстов, которые в совокупности своих контекстуальных связей обуславливают аксиологическую тональность текста в отношении того или иного объекта. Это предполагает (в соответствии с методикой, предложенной Н.А. Купиной [14. С. 32]) выявление в тексте ключевых ярлыков-идеологем, их сочетаемости в речевой ткани текста, что способствует выявлению смысловых, аксиологических и эстетических приращений, отражающих точку зрения автора на те или иные политические события.

При работе над словарем использовались также компонентный анализ (для определения или уточнения смысловой структуры слова), метод интенционального анализа (для определения целей, намерений участников коммуникации или автора текста, его фрагмента), метод контекстуального и / или дискурс-анализа (для выявления оценочной тональности языковой или речевой единицы – слова, оборота, высказывания, выражающих ту или иную идеологему).

При отборе речевых фактов авторы руководствовались предложенной ими ранее дефиницией термина «политический словесный ярлык»: политические словесные ярлыки – это «тяготеющие к стереотипизации номинативные единицы-идеологемы (слова и словосочетания) с гипертрофированной пейоративной коннотацией и ослабленным денотативным компонентом, представляющие собой линейно свернутые негативные мифы и используемые для дискредитации социально и политически значимых объектов» [15. С. 50].

Концепция словаря

Цель создания «Словаря современных политических ярлыков» – дать по возможности полную характеристику основных словесных ярлыков, используемых в современном российском политическом дискурсе как орудия информационно-психологического противоборства.

Задачи словаря:

- дать семантическую характеристику ПЯ с учетом имеющихся коннотативных приращений;
- проиллюстрировать употребление современных ПЯ;
- продемонстрировать отношения семантического сходства между ПЯ, в том числе синонимиию;
- представить словообразовательные возможности ПЯ.

Разрабатываемый словарь ПЯ по типу является толково-иллюстративным с приведением словообразовательных дериватов и (факультативно) филологических комментариев.

Он *адресован* тем, кто профессионально занимается исследованием политического языка – филологам, журналистам, политологам и др., а также всем, кто интересуется вопросами политики.

Структура словаря. Словарь начинается со вступительной статьи теоретического характера, в которой дается определение понятия «политический ярлык», рассматривается проблема его соотношения со смежными понятиями (инвектива, кличка, прозвище), предлагается многоаспектная классификация ПЯ. Словарные статьи предъявляемых ПЯ располагаются по алфавиту; ПЯ-словосочетания даются с прямым порядком слов, например: *кремлевские сидельцы, политические клоуны, политические пигмеи* и т.п.

В конце словаря содержится словник (перечень ПЯ с указанием страниц) и список условных сокращений.

Принципы формирования словника (отбора слов). Составлению словника предшествовало теоретическое осмысление понятия «политический ярлык» на основе изучения научной литературы и анализа собранной картотеки речевых фактов, что в совокупности позволило сформулировать основные критерии идентификации ПЯ и приступить к составлению словника. Такими критериями, которые учитывались в совокупности, являются: 1) социально-политическая семантика номинативной единицы (слова или словосочетания), приобретающей статус идеологемы; 2) гипертрофированная пейоративная эмоционально-оценочная сема, характеризующая какой-либо объект (лицо, социальную группу, народ, событие, идеологию и т.д.), при одновременной ослабленности денотативного компонента; 3) подверженность стереотипизации и тиражируемости; 4) функция дискредитации того или иного объекта; 5) полное или частичное несоответствие сигнификата референту; 6) мифологизм (воплощение предельно свернутого негативного мифа) [16. С. 274–275].

На данный момент словник включает 74 единицы, соответствующие, на наш взгляд, этим критериям. Например, на букву «П» представлены следующие ПЯ: *партия жуликов и воров, пиндостан, пиндосы, победобесие, политические пигмеи, политический клоун, политический наперсточник, популист, православие головного мозга, православный ИГИЛ, православный талибан, путиноиды, путинярня, пятая колонна*. Некоторые устойчивые словосочетания, включенные в словник, уже отражены в «Толковом словаре русского языка...», но только в качестве речевых иллюстраций, например: *враг народа, пятая колонна, империя зла* [17. С. 116, 350, 297].

Отобранные для словника слова и словосочетания проходили процедуру верификации, выступая в качестве запросов в поисковых системах Яндекс, Google, текстовой базе Национального корпуса русского языка для подтверждения их неединичности (узуальности). При этом для подтверждения узуальности ПЯ считалось достаточным наличие не менее 3–5 контекстов из разных источников, в которых отобранная единица используется в одном и том же значении (см. аналогичный подход в [18. С. 30]). Интересно, что обращение к Национальному корпусу русского языка показало отсутствие в нем целого ряда ПЯ, используемых в современных медиа. Так, по состоянию на первую неделю сентября 2019 г. в корпусе не отражено употребление такого ПЯ, как *победобесие*, осуждающего традицию празднования

Дня Победы в следующих, например, контекстах: *В Токио разглядели русское «победобесие»*. Японцы возмущены тем, что Москва не хочет пересматривать итоги Второй мировой (Svpressa.ru. 24.05.2019); *«Как же достало это победобесие!» Репетиция парада Победы глазами автомобилистов* (66.ru. 27.04.2019); *Пользователи Интернета продолжают обсуждать очередную итерацию культа «победобесия» образца мая 2019, выражающуюся в том, что в этом году мода наряжать воспитанников дошкольных учреждений в военную форму приобрела форму массового поветрия...* (Rusmonitor.com. 10.05.2019). Другое значение слова *победобесие* связано с критикой таких акций или действий, которые связывают идею праздника Дня Победы с недостойными, аморальными явлениями и поступками, например: *...из праздника Победы сделали просто бренд, карнавал и шоу. Символы победы вешаются на всё – от тапок до презервативов, а также на животных* (<https://www.youtube.com/watch?v=PE5BKf-h4-I>). Такое употребление слова *победобесие* является лишь частично ярлычным, поскольку содержит элемент справедливой критики.

Структура словарной статьи. Цель и задачи словаря определяют структуру словарной статьи, которая включает обязательные элементы: заголовочную единицу в наиболее употребительной форме; толкование ее семантики; речевые иллюстрации, и – факультативно: комментарии о специфике функционирования ПЯ и его происхождения (если это представляется возможным), варианты ПЯ, синонимические ПЯ, производные от ПЯ единицы. Все элементы, кроме заголовочной единицы, выделяются в словаре при помощи знаков:

⌘ иллюстративный материал;

🗨 комментарии;

= синонимичные ПЯ;

≈ ПЯ, объединенные по принципу семейного сходства;

↔ лексически оппозитивные ПЯ;

► словообразовательные дериваты.

Заголовочная единица дается в форме единственного числа; преобладание употребления того или иного ПЯ во множественном числе отмечается в комментарии. Приведем пример словарной статьи:

КОНТРИК – разговорно-сниженное пренебрежительное название контрреволюционера, которое может использоваться как ярлык и в современных текстах для наименования политического противника.

≈ Причины понятны. Никакая эпоха не была про них. Их всегда там не стояло. В любой российской эпохе – ихтамнет. Потому российский поцреот – всегда «антер», если по-израильски, а по-русски – **контрик** (Zavtra.ru. 10.06.2019); По отдельности держались кучка молодых и женицины постарше – «**контрики**», «болтуны», «штионы», «космополиты безродные» и просто «враги народа» (Е. Матвеева. История одной зэчки); И ей, «контре», не нужны освобождающиеся и свободные творцы, а нужны покорные исполнители, то бишь – стадо. А стаду требуется стойло, стадо должно молча и тупо жевать в нём то, что ему будет брошено. Они, «**контрики**», почти добились своего, они почти окончательно загнали стадо в стойло! (Zavtra.ru. 27.04.2017); Он издевательски назвал повесть Эренбурга «Оттепель» – «слякотью». После дела Синявского и Даниэля в 1966 году, первого диссидентского процесса, когда впервые после смерти Сталина писателей снова бросили за колючую проволоку, Шолохов не постыдился упрекнуть судей в мягкотелости, с удовольствием добавив, что подобных **контриков** во время гражданской войны ставили к стенке (Евгений Евтушенко. «Волчий паспорт»).

🔍 Форма множественного числа употребляется чаще (27.07.2020 поисковый запрос слова в Национальном корпусе русского языка выдает 40 документов, 89 вхождений, из них в ярлычном значении слово в единственном числе – 37 употреблений, во мн. числе – 46).

► **Контриковский**

Семантическое описание ПЯ в словарной статье определяется его отнесенностью к категории слова или словосочетания, наличием или отсутствием у него признаков терминологичности, метафоричности, устойчивости, эмоционально-оценочной градуированности. В словаре соблюдается принцип унификации моделей толкования семантики ПЯ. В качестве родового понятия используется слово «наименование» в сочетании со специфицирующими определениями, например:

БИОМАССА – пренебрежительное метафорическое наименование больших групп людей: электората, сторонников национальной традиции и даже целого народа.

КРЕАКЛ(Ы) – ироническое наименование представителя(ей) так называемого креативного класса, но не творца как создателя непреходящих духовных ценностей.

ИМПЕРИЯ ЗЛА – наименование-фразеологизм, представляющий собой мифологему, согласно которой та или иная страна (первона-

чально Советский Союз, затем и постсоветская Россия, а сейчас и др.) предстает как государство-агрессор.

ГЕРОНТОКРАТИЯ – терминологическое наименование правящего режима, во главе которого стоят лица преклонного возраста, иронически используемое для обозначения тех, кто держится за власть, как партийное руководство КПСС послесталинского периода, и приписывающее им признаки недееспособности.

Иллюстративный материал в словаре включает тексты различной стилевой и жанровой принадлежности, созданные в постсоветский период (с 1991 г.) или советский, но продолжающие употребляться сейчас. Например, в словарной статье, посвященной ПЯ *демокрад* ('наименование российского демократа, которому приписывается склонность к разным махинациям, в том числе воровству, стяжательству, коррупции, что иногда подчеркивается с помощью графики'), в качестве речевых иллюстраций приводятся фрагменты газетной и журнальной статей, комментария пользователя сети Интернет, художественного произведения:

*«Народ-языкотворец» давно уже творчески переработал оба этих термина: «демократ» – это непременно «**демокраД**», а либерал – соответственно, «либерАСТ». Первое отсылает к «воровству» как к неперемennomu свойству всех сторонников демократии. Второе – по ассоциативной цепочке – к поощрению однополый любви, шире – к сексуальным извращениям, еще шире – к сексуальной и нравственной распушенности и растлению малолетних... (Gazeta.ru. 25.09.2006); Натянул я валенки, шарфом замотался по ноздри, тысячу в нагрудный карман поглубже затолкал, чтобы какой **демокрад** не сдемократил, и отправился на митинг (Ruspioner.ru. 24.12.2013); Потом сей **демоКРАД** объявляет «я против суверенитета России, если этот суверенитет угрожает другим странам» (Tanzpol.org. 16.03.2007); И однажды прочитал в какой-то книжке, что «демос» – это народ в переводе с греческого. Если стать **демокрадом**, можно по-крупному украсть. Целый народ украсть – это вам не дом, тем более не парта (Ф.Д. Кривин. Забавные сказки).*

В некоторых словарных статьях представлены тексты, демонстрирующие, с одной стороны, непосредственное употребление ярлыков, с другой – наблюдения за их функционированием. Например, в статье *Азiona* (ироническое наименование России в ее интерпретации

евразийцами, возникшее путем сложения начала и конца двух слов «Азия» и «Европа»):

Азиона – оплот атомного православия (Gazeta.ru. 11.05.2001); Есть такое обидное для русского уха слово: Азиона. Его «клеветники России» обычно используют для того, чтобы подчеркнуть: никакая мы не Европа и даже не Евразия, а страна деспотов и сатрапов, перед которыми тысячелетиями не устает пресмыкаться «послушный им народ» (Известия. 01.08.2007).

В комментариях о специфике функционирования ПЯ могут приводиться сведения о временных периодах их использования, наблюдения над их продуктивностью, композиционной ролью в тексте и прагматическими функциями (интерпретация политических реалий, репрезентация негативной оценки, дискредитация оппонента, мифологизация образа политика, текстообразование, репрезентация текстовой категории тональности [19]), из которых доминирующей выступает функция дискредитации. Например, в статье «Враг народа» отмечаем:

✎ Политический ярлык «враг народа» широко использовался в художественной литературе советского времени. В периоды репрессий употреблялся также в роли аргумента для их проведения и одновременно оправдания. Этот ярлык просуществовал весь XX в. и перешел в наше время.

По модели ярлыка «враг народа» строятся и другие ярлыки (*враг перестройки, враг Отечества, враг России, враг демократии* и т.п.), например: *А когда вместе собрались на Политбюро, то меня молотили так, что кости трещали. С журналистами встретишься: «Да, ты прав!». Но я получил из всех газет пятьдесят выстрелов в спину: «враг перестройки», «консерватор» и так далее (Завтра. 18.02.2003); Главная задача – не потерять молодёжь, которая находится под агрессивным давлением **врагов нашего Отечества** (Rusline.ru. 15.12.2018); В 2013 году Мультатули вместе с Константином Малофеевым подписал обращение к президенту Путину с призывом закрепить в Конституции Российской Федерации особую роль православия. А двумя годами позже издал труд о том, как **враги России** очерняют фильмы Никиты Михалкова (Новая газета. 31.01.2019); ...Меня в последнее время все чаще стали называть **врагом либерализма и демократии**, поэтому – вынужден объясниться (Д.В. Лекух. Враг демократии).*

Общеизвестность политического ярлыка позволяет ему выступать в качестве заголовков (см. также книгу Д.О. Рогозина под названием «Враг народа»).

В некоторых случаях отмечается опыт возможного преодоления вредного воздействия ПЯ. В качестве примера приведем статью «Ватник»:

ВАТНИК – презрительное обозначение русских и украинцев, дружелюбно настроенных по отношению к России, а также любого патриота России.

≈ Из всего произошедшего я делаю вывод, что «*ватник*», оторванный от излучения российской пропаганды и помещенный в условия здорового украинского патриотизма, очень быстро становится нормальным человеком (<https://ru.krymr.com/a/27194879.html>); Порой создается впечатление, что *ватники* для украинского общества – не столько проблема, сколько психологическая отдушину, способ поднять нашу самооценку. Пускай мы живем скверно, пускай страна разорена, пускай буксуют реформы, но зато по соседству обитают миллионы *ватников*, которые заведомо глупее нас (<https://inosmi.ru/politic/20160401/235962703.html>) – использование слова «ватник» как ярлыка;

В русском политическом словаре это слово – ватник – неожиданно возникло несколько лет назад – с подачи так называемых либералов и таких же псевдоинтеллектуалов. Их «ватник» воплощает все изъяны российского общества – нетрезв, немывт, глуп, ленив. Да к тому же он квасной патриот. «Ну ты и ватник!» – звучит в устах бойцов социальных сетей как оскорбление (<https://www.bnkom.ru/data/doc/45701/>); Современная интернет-культура полна вбросов о так называемых «*ватниках*». Что неграмотные, вечно швыряющиеся дерьмом русофобы вкладывают в это слово, я не до конца понимаю. Зато понимаю, почему именно «*ватник*». Потому что ватник – это такой же символ победы над фашизмом, как ППШ, как Т-34, как Катюша. <...> Можно предположить, что именно тогда и зародилась ненависть у фашистов к ватнику. Как же так... русский солдат в этом несуразном наряде не мерзнет, результативно ведет бой, а германские перелюбники в пошитых европейскими кутюрье моднявых шинельках и кителях замерзают насмерть (<https://fluffyduck2.livejournal.com/322839.html>) – осмысление словесного ярлыка в сети Интернет.

✎ История русского народа помогает ему нейтрализовать воздействие ярлыка путем его подчеркнутого самопринятия. Например: *Я ватник, я угрюмый колорад. / Моя любовь к стране необъяснима. / Я русский. Я татарин. Я бурят. / Я злой на вид, но вежливый солдат. / Я в том перед Европой виноват, / Что рад безмерно возвращенью Крыма. / Я вспоминаю крымскую весну, / И мне не стыдно за мою страну* (отрывок стихотворения «Я ватник» А.Ю. Лукина); *Я – ватник. Я воспитан на сугубо русских ценностях – любовь к семье, любовь к русскому государству и его истории. <...> Я настолько ватный ватник, что считаю, что рано или поздно всем придется сделать выбор. Я свой выбор сделал. Я за сильную Россию. За ту Россию, которой я горжусь прямо сейчас. Пойду, что ли, ватничек надену и под водочку на балалайке гимн сыграю* (фрагмент эссе А. Кострова «Я – ватник!»).
≈ Колорад, лапотник, москаль, русопят, совок
↔ Укроп

► Ватниковский

Аналогично антифрастическое использование ПЯ как способ нейтрализации его воздействия на сознание реципиента показано в словарной статье «Оккупант».

Заключение

Исследование словесных ярлыков в современном политическом дискурсе позволило установить их значимую роль как инструмента идеологического противоборства в эпоху информационно-психологических войн. Работа над «Словарем современных политических ярлыков» позволила уточнить понимание феномена политического ярлыка, зафиксировать наиболее распространенные политические ярлыки, расширить представление об их парадигматических (синонимических, оппозитивных) связях, словообразовательных возможностях, особенностях функционирования в современной публичной речи, а также представить метареакции общества на их употребление. Это дает возможность закрыть актуальную лауну в теории политической лингвистики.

Литература

1. Козырев В.А., Черняк В.Д. Современные ориентации отечественной лексикографии // Вопросы лексикографии. 2014. № 1 (5). С. 5–15.

2. *Шестакова Л.Л.* Русская авторская лексикография: теория, история, современность. М. : Языки славянских культур, 2011. 464 с.

3. *Фесенко О.П.* Компьютерная лексикография: программные средства и продукт научной отрасли // Инновационное образование и экономика. 2014. № 15 (26). С. 28–30.

4. *Грекова М.В.* Фигуративная лексикография и ее место в современной русистике // Вопросы лексикографии. 2016. № 2 (10). С. 18–40.

5. *Маник С.А.* Политическая лексикография: перспективы развития ивановской лексикографической школы // Теория и практика иностранного языка в высшей школе. 2018. № 14. С. 162–170.

6. *Баранов А.Н., Караулов Ю.Н.* Словарь русских политических метафор. М. : Помовский и партнеры, 1994. 330 с.

7. *Словарь современных политических лозунгов России и Германии «Дайте миру шанс!»* / русская часть: С.Г. Шулежкова, А.А. Осипова, О.Е. Чернова, Н.В. Позднякова, А.Н. Михин; немецкая часть: Х. Вальтер, О.В. Михина; науч.-исслед. словарная лаб. НИИ исторической антропологии и филологии МГТУ им. Г.И. Носова, Грайфсвальдский ун-т им. Эрнста Морица Арндта; под ред. С.Г. Шулежковой (гл. ред.), А.А. Осиповой. Магнитогорск : Магнитогорский Дом печати ; Greifswald : Ernst-Moritz-Arndt-Universität, 2016. 300 с. + 16 с. цв. ил.

8. *Политология* : энциклопедический словарь / общ. ред. и сост. Ю.А. Аверьянов. М. : Изд-во Моск. коммерч. ун-та, 1993. 431 с.

9. *Новейший политологический словарь* / авт.-сост. Д.Е. Погорелый, В.Ю. Фесенко, К.В. Филиппов. Ростов н/Д : Феникс, 2010. 318 с.

10. *Операции* информационно-психологической войны : краткий энциклопедический словарь-справочник / В.Б. Вепринцев, А.В. Манойло, А.И. Петренко, Д.Б. Фролов; под ред. А.И. Петренко. 2-е изд., стереотип. М. : Горячая линия – Телеком, 2015. 496 с.

11. *Семкин М.А.* Актуальные термины политической лингвистики : словарь современных медиа. М. : ФОРУМ : ИНФРА-М, 2015. 112 с.

12. *Кочергина К.С.* Теория и практика применения словарей в качестве источников для лингвистической экспертизы // Вопросы лексикографии. 2019. № 15. С. 154–173.

13. *Клушина Н.И.* Теория идеологем // Политическая лингвистика. 2014. № 4 (50). С. 54–58.

14. *Кутина Н.А.* Русская идея в контексте современности: «Бесы» Достоевского и аксиологические суждения Бердяева // Политическая лингвистика. 2015. № 2 (52). С. 31–37.

15. *Сковородников А.П., Копнина Г.А.* Политические ярлыки в современном русскоязычном медиадискурсе // Русская речь. 2019. № 1. С. 44–57.

16. *Сковородников А.П.* Экология русского языка. Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2016. 388 с.

17. *Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов* / отв. ред. Н.Ю. Шведова. М. : Азбуковник, 2011. 1175 с.

18. Балдова А.В., Грекова М.В. Проблемы описания метафорической семантики в словаре: фиксация новых значений и унификация толкований // Вопросы лексикографии. 2018. № 14. С. 24–49.

19. Руженцева Н.Б., Нахимова Е.А. Функции ярлыка в коммуникативном пространстве политика (на материале современных печатных СМИ) // Экология языка и коммуникативная практика. 2019. № 4 (2). С. 87–98. URL: <http://ecoling.sfu-kras.ru/wp-content/uploads/2019/12/Ruzhenceva-N.B.-Nahimova-E.A.-1.pdf> (дата обращения: 20.07.2020).

On the Conception of the Modern Political Labels Dictionary

Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography, 2021, 20, pp. 105–118. DOI: 10.17223/22274200/20/6

Alexander P. Skovorodnikov, Galina A. Kopnina, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: skapnat@mail.ru / gkopnina@mail.ru

Keywords: political lexicography, political labels dictionary, political lexicon, verbal label.

The article aims to describe the conception of the Modern Political Labels Dictionary being developed at the Siberian Federal University. The creation of such a dictionary is relevant owing to the development of political lexicography which allows revealing the state and features of modern political language development. It is also noted that political labels remain largely unstudied despite their wide and quite long-term use in media. The authors of both the dictionary and the article believe that it can be useful not only for specialists focused on conducting linguistic examinations of conflictogenic texts, but also for those who are interested in politics. The Modern Political Labels Dictionary makers see the main purpose of its creation in characterizing modern political discourse verbal labels used as a tool of information-psychological confrontation as completely as possible. The concept of the dictionary is based on the following definition of the term “political verbal label”: it is a nominative ideologeme (word and phrase) tending to stereotypization. It is a linear negative myth used to discredit socially and politically significant objects. A political verbal label is characterized by exaggerated pejorative connotations and weakened denotative components. The dictionary being developed is explanatory and illustrative. It also includes derivations and (optional) philological commentaries. The selection of speech samples for the dictionary was mainly based on a linguo-ideological analysis following the methodology proposed by N.A. Kupina that assumes the identification of key ideologeme labels in a text and analysis of their compatibility to reveal semantic, axiological, and aesthetic additives that reflect an author’s point of view on certain political events. The article also characterizes the dictionary structure including a theoretical introduction, dictionary entries, a glossary, and a list of abbreviations; examples of dictionary entries are provided. The words and phrases selected for the glossary passed verification procedure acting as Yandex, Google and Russian Language National Corpus search query to confirm their non-unity (usability): the existence of at least 3 to 5 contexts from different sources in which the selected unit is used with the same meaning was considered sufficient. It is noted in the description of a dictionary entry that it contains both mandatory (head unit; interpretation of its

semantics in compliance with the principle of unification of interpretation models; speech samples from texts of various styles and genres created in post-Soviet and modern periods) and optional (commentaries on the functioning specifics of a political label: its origin, use periods, productivity and role in text; variations; synonyms and derivatives) components. It is concluded that the work on the dictionary made it possible to clarify the definition of the political labels phenomenon; identify the most common political labels, and expand the notion of their paradigmatic (synonymous, opposing) connections, word-formation capabilities, functioning specifics in modern public speech; and present the meta-reactions of society to their use. The above-mentioned makes it possible to fill the current gap in the theory of political linguistics.

References

1. Kozyrev, V.A. & Chernyak, V.D. (2014) Modern orientations of Russian lexicography. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 1 (5). pp. 5–15. (In Russian).
2. Shestakova, L.L. (2011) *Russkaya avtorskaya leksikografiya: teoriya, istoriya, sovremennost'* [Russian authorial lexicography: theory, history, modernity]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur.
3. Fesenko, O.P. (2014) Komp'yuternaya leksikografiya: programmnye sredstva i produkt nauchnoy otrasli [Computer lexicography: software tools and product of scientific industry]. *Innovatsionnoe obrazovanie i ekonomika*. 15 (26). pp. 28–30.
4. Grekova, M.V. (2016) Figurative lexicography and its place in modern Russian philology. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 2 (10). pp. 18–40. (In Russian). DOI: 10.17223/22274200/10/2
5. Manik, S.A. (2018) Political lexicography: development potential of Ivanovo lexicographic school. *Teoriya i praktika inostrannogo yazyka v vysshey shkole*. 14. pp. 162–170. (In Russian).
6. Baranov, A.N. & Karaulov, Yu.N. (1994). *Slovar' russkikh politicheskikh metafor* [Dictionary of Russian political metaphors]. Moscow: Pomovskiy i partner.
7. Shulezhkovoy, S.G. (ed.) (2016) *Slovar' sovremennykh politicheskikh lozungov Rossii i Germanii "Dayte miru shans!"* [Dictionary of modern political slogans of Russia and Germany "Give a chance to the world!"]. Magnitogorsk: ZAO "Magnitogorskiy Dom pečati"; Greifswald: Ernst-Moritz-Arndt-Universität.
8. Aver'yanov, Yu.A. (ed.) (1993) *Politologiya: Entsiklopedicheskiy slovar'* [Political Science: encyclopedic dictionary]. Moscow: Izd-vo Mosk. kommerch. un-ta.
9. Pogorelyy, D.E. (ed.) (2010) *Noveyshiyy politologicheskiy slovar'* [The Newest Political Dictionary]. Rostov-on-Don: Feniks.
10. Veprintsev, V.B. (ed.) (2015) *Operatsii informatsionno-psikhologicheskoy voyny: kratkiy entsiklopedicheskiy slovar'-spravochnik* [Information-Psychological War Operations: A Short Encyclopedia and Reference Guide]. Moscow: Goryachaya liniya – Telekom.
11. Semkin, M.A. (2015) *Aktual'nye terminy politicheskoy lingvistiki: slovar' sovremennykh media*. [Topical Terms of Political Linguistics: A Dictionary of Contemporary Media]. Moscow: FORUM: INFRA-M.

12. Kochergina, K.S. (2019) The Theory and Practice of Using Dictionaries as Sources for Linguistic Examination. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 15. pp. 154–173. (In Russian). DOI: 10.17223/22274200/15/10
13. Klushina, N.I. (2014) The theory of ideologeme. *Politicheskaya lingvistika – Political Linguistics*. 4 (50). pp. 54–58. (In Russian).
14. Kupina, N.A. (2015) Russian idea in the context of modernity: Dostoevsky's "Demons" and Berdyaev's axiological assertions. *Politicheskaya lingvistika – Political Linguistics*. 2 (52). pp. 31–37. (In Russian).
15. Skovorodnikov, A.P. & Kopnina, G.A. (2019) Political Labels in Modern Russian Political Media Discourse. *Russkaya rech' – Russian Speech*. 1. pp. 44–57. (In Russian).
16. Skovorodnikov, A.P. (2016) *Ekologiya russkogo yazyka* [Ecology of the Russian Language]. Krasnoyarsk: Siberian Federal University.
17. Shvedova, N.Yu. (ed.) (2011) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka s vkladyeniem svedeniy o proiskhozhdenii slov* [Explanatory Dictionary of the Russian Language with information on origin of words]. Moscow: Izdat. tsentr "Azbukovnik".
18. Baldova, A.V. & Grekova, M.V. (2018) Problems in describing metaphorical semantics in a dictionary: new meanings recording and interpretations unification. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 14. pp. 24–49. (In Russian). DOI: 10.17223/22274200/14/2
19. Ruzhentseva, N.B. & Nakhimova, E.A. (2019) Label functions in communicative portrait policy (based on modern print media). *Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika – Ecology of Language and Communicative Practice*. 4 (2). pp. 87–98. [Online] Available from: <http://ecoling.sfu-kras.ru/wp-content/uploads/2019/12/Ruzhenceva-N.B.-Nahimova-E.A.-1.pdf> (Accessed: 20.07.2020). (In Russian).